

18+

Елена Рихтер

Ретроградный Платон

«Автор»

2023

Рихтер Е.

Ретроградный Платон / Е. Рихтер — «Автор», 2023

Трогательная история дружбы эстета и интеллектуала Платона и простого парня из Сибири Степана. Слушая музыку, разговаривая и размышляя о драмах и потрясениях, с которыми сталкивается Платон, друзья постепенно находят смыслы событий, происходящих в его жизни.

© Рихтер Е., 2023

© Автор, 2023

Елена Рихтер Ретроградный Платон

Степан стоял в подъезде одного из самых фешенебельных домов клубного типа в Москве в надежде уловить хоть какие-то звуки из-за двери. Он понимал, что ничего услышать, скорее всего, не сможет, так как дверь была звуконепроницаемой, тем не менее минут пять он топтался перед ней, изо всех сил пытаясь оттянуть тот момент, когда ему придется достать из нагрудного кармана ключ и уверенно, словно это дверь его собственной квартиры, повернуть его в замке несколько раз.

«Только бы не Шостакович!», внутренне сжался он, ступая на порог и прислушиваясь к звукам из гостиной.

Постоял немного в коридоре, слушая музыку, вытащил телефон и нажал «шазамить». Скрябин. Александр Николаевич. «Прометей».

Степан посмотрел на свое отражение в зеркале. «Так. Взгляд надо сделать помягче». Перебрав несколько выражений лица, он остановился на «добросердечное сочувствие», задержался еще какое-то время перед зеркалом, чтобы удостовериться, что лицо его слушается и, наконец-то, решился войти в комнату.

Платон сидел в новом кресле прямо напротив дорожущего винилового проигрывателя.

– Мондриан! – торжественно изрек Платон, увидев Степана и делая звук проигрывателя тише.

– Я «зашезамил» из коридора. Это Скрябин. «Прометей». – парировал Степан, чувствуя, как маска «добросердечное сочувствие» начинает сползать с лица.

– Я про кресло. Расцветка, как на картинах Мондриана, – уставшим голосом начал объяснять Платон. – Нравится?

– Нормальное кресло. Советский шик. У деда моего такое же было, когда я еще в школу ходил. Только gobelеном обтянутое, не Мондрианом. Кто, кстати, этот Мондриан?

Платон усталым взглядом посмотрел на Степана, как будто не понимая, о чем тот его спрашивал, потом достал из кармана трико телефон, что-то там поискал и протянул ему его.

Степан аккуратно перехватил телефон из его рук, долго рассматривал фотографию, потом взял Платона за плечо и немного отклонил его в сторону, чтобы лучше рассмотреть рисунок обивки кресла.

– Опять прикалываешься? На фото явно не Мондриан! – наконец резюмировал Степан, звонко рассмеявшись и возвращая Платону его телефон.

– Ничего смешного, между прочим! Ты сообщения почитай!

Степан прочел сообщения и рассмеялся еще громче.

Платон раздраженно посмотрел на него и тоскливо сказал:

– Я в очередной раз ничего не понимаю, Степан! Выставку ее оплатил, со всей богемой московской договорился, чтоб они пришли на открытие, шампанское заказал из Италии, кейтеринг самый лучший организовал для мероприятия... И вот... Получил!

Степан перестал смеяться и, уже не делая над собой усилие, чтобы сохранить на лице выражение «добросердечное сочувствие», с искренней тревогой посмотрел на друга.

– Похоже, неплохо продались картины? Сколько она «подняла»? Тысяч 500–600?

– Думаю, раза в три больше.

Степан присвистнул.

– Может, мне уже холсты и краски купить? Намалюю чего-нибудь. Организуешь мне такую же выставку?

Платон дернул плечом.

– Издеваешься?

Степан лишь грустно улыбнулся.

– Извини. Конечно, нет.

Платон еще раз тяжело вздохнул.

– Нет, ты все же скажи мне, пожалуйста, философ мой, дорогой, ну, где я опять сделал ошибку? На каком этапе я снова не разглядел?

Степан задумчиво обошел кресло, взял в руки конверт от пластинки, повертел его в руках.

– Расскажешь для начала, почему Скрябин на этот раз?

– Надоело. Все надоело. Я как тот Прометей, несущий им огонь, – учу строить, помогаю во всем, а что получаю? А получаю опять вот такую какашку на подушке. Кота я ее, понимаешь ли, забыл в комнате, спеша на работу.

– Бедный кот, – слабо попытался пошутить Степан, – впервые забыт в комнате. Испугался. Нагадил. Бывает.

– И ей надо было это все увековечить на фото. Ты же прочел? Это, оказывается, иллюстрация моего к ней отношения. Организованная для нее выставка и возможность заработать денег – это не иллюстрация, а кот насрал – это... К чему это все, Степан? – Платон тяжело вздохнул.

– Это к деньгам! – уверенно произнес Степан. – Платон, кошачьи какашки на подушке – определено к деньгам!

Платон издал еще один тяжелый вздох, уже больше похожий на вой.

– А можно чего-нибудь к любви? С деньгами все в порядке. Мне б невесту себе найти. Мальчику скоро 37. Рафаэль к этому времени уже успел сотворить уйму картин.

– Молодец, Рафаэль. Он даже уже умереть к этому времени. И мы не о Рафаэле сегодня собрались тут поговорить. Какашки на подушке, извини, никак не к любви и не о любви. И, как я вижу, ты и сам это прекрасно понимаешь..., – задумчиво произнес Степан, думая о том, как на этот раз вывести Платона из очередной любовной драмы.

Дружба Степана с Платоном началась почти десять лет назад, как говорится, «благодаря и вопреки». «Благодаря» почти аналогичному любовному коллапсу, который Платон тяжело переживал в то время, а «вопреки» – потому что они были совершенно из разных сословий. Платон воспитывался в московской профессорской семье и, несмотря на свое экономическое образование, обладал обширными знаниями в музыке и искусстве, Степан же был родом из небольшого сибирского городка, воспитывался в простой семье фельдшера и медсестры, но, как говорится, имел «житейскую хватку». Знал он о жизни не из книг и произведений искусства, а от отца с матерью, которые за его детство порассказали столько историй людей, попадающих к ним в больницу, – не счесть.

Лет десять тому назад судьба свела парней на соседних беговых дорожках в одном из спортивных клубов Москвы. Степану выдали туда абонемент от работы, на которую он недавно устроился, Платон пришел в клуб, чтобы отвлечься от расставания с очередной девушкой.

Степан исподволь наблюдал за парнем на соседней дорожке, который бежал так неистово вцепившись в поручни, что в какой-то момент Степану показалось, что тот вот-вот упадет. Выключив свою дорожку, он помахал парню рукой, но тот абсолютно его не видел, продолжая бежать, уставившись в одну точку перед собой. Степан аккуратно похлопал его по плечу. Парень замедлил бег, дожидаясь пока лента дорожки остановится совсем, и вытащил наушник из уха. Классическая музыка, звучащая из наушника парня, казалось, перекрыла весь шум в зале.

– Из какого века дискотека у тебя, парень? – попытался пошутить Степан, уставившись на наушник.

– Из девятнадцатого, – нахмурившись произнес тот, – Это Глинка. Михаил Иванович. «Иван Сусанин».

– О-о-о, – задумчиво протянул Степан, – А я-то думаю, куда ты так несешься по дорожке? Оказывается, просто в образе. Идешь дорогой Сусанина...

Парень внимательно посмотрел на Степана, усмехнулся, медленно засунул наушник обратно в ухо, и уже хотел вернуться к своим занятиям. Однако, прежде чем включить заново беговую дорожку, он все же повернулся к Степану и горько произнес:

– Нет, я, похоже, иду дорогой Михаила Ивановича.

– Какого Ивановича? – не понял Степан.

– Глинки.

Степан с опаской посмотрел на соседа по беговой дорожке, но, увидев его отрешенный взгляд, твердо произнес:

– Знаешь что, парень? А не выпить ли нам по чашечке-другой кофе? Расскажешь мне подробнее и про Глинку, и про Ивановича, и про Сусанина.

Так началось знакомство Степана с Платоном, а заодно и с великими русскими композиторами и их судьбами.

Как выяснил Степан во время их первого разговора в кафе спортклуба, Платону патологически не везло с девушками. Обладая тонкой и чуткой натурой, к которой стараниями профессорской семьи прилагались еще и почти энциклопедические знания, Платон тяжело, долго и болезненно переживал каждый такой разрыв, находя утешение лишь в музыке. Спасения он искал у русских классиков, творения которых знал практически наизусть. К произведению, как правило, добавлялась еще и личная драма композитора, стоящая за созданием музыкального шедевра.

– Вот послушай, – протянул Степану свой наушник Платон, – эту часть «Жизни за царя» Глинка писал, когда был окрылен любовью к своей будущей жене Марье Петровне. Он на подъеме своих творческих сил. Если вслушаться, то тут слышно в каждой ноте, как его душа стремится ввысь.

Степан послушно, как прилежный ученик, попытался вслушаться в музыку.

– Красивая музыка, – Степан почесал нос, понимая, что полета души композитора он прочувствовать ему не дано. Не зная, как поддержать разговор, немного подумав, он добавил, – Хорошая музыка. Мелодичная.

– Как будто трели птиц, правда? – с готовностью включился в диалог Платон, – Глинка вдохновлялся пением певчих птиц. В его доме была отдельная комната, где жила пара десятков разных птичек. Он даже посвятил им романс «Жаворонок».

– Слушай, ты вот сказал, что идешь дорогой Михаила Ивановича, но, судя по твоим рассказам, все в порядке было у Ивановича – любимая жена, отдельная комната для птиц. Сиди себе, слушай трели соловьев и пиши музыку. Вполне ничего так себе дорога. Безоблачная.

– О, нет, Степан! Все совсем не так безоблачно было в его судьбе. Жена его оказалась особой приземленной, жадной до нарядов и праздников, тонкой душевной организации мужа своего не понимала, все высокое и поэтическое было ей недоступно. Музыку своего мужа она не принимала вовсе. И вот это ее отношение к нему убивало всю творческую искру в композиторе. Ему очень тяжело давалось написание второй его оперы «Руслан и Людмила» – из-за скандалов дома и ее истерик.

Степан с восторгом слушал Платона.

– Откуда ты столько всего знаешь? В школу музыкальную ходил?

– Нет, не ходил. Пробовали меня отдать туда, но никаких талантов не обнаружили. Мой дед был профессором в консерватории. Мы за обедом только классическую музыку слушали, а он рассказывал разные истории о судьбах композиторов. Я их в детстве как сказки слушал,

думал, что такие истории могут только в жизни великих людей происходить. Знал бы я тогда, как много из того, что пережили они, предстоит пережить и мне... – тяжело вздохнул Платон.

– Что? Ты тоже держишь в одной из комнат стаю птиц? – Степан искренне округлил глаза.

– А ты забавный, – задумчиво произнес Платон, – и шутишь смешно.

– Я из Сибири родом. Там климат суровый. Да и условия жизни у большинства людей не сахар. Если коротко, то без чувства юмора там не выжить. Так что с Марьей Петровной, кстати? Как она по твоей то жизни из своего девятнадцатого века сумела проехать?

Платон тяжело вздохнул.

– Кольцо моей «Марье Петровне» потребовалось срочно. Да не простое, а Картье, – Платон опять смотрел отрешенным взглядом в одну точку.

– Я не разбираюсь в брендах, – озадаченно ответил Степан.

– Ну, скажем так, это достаточно дорогое кольцо, – Платон прищурил один глаз.

– А у тебя нет денег на кольцо, и она ушла к другому, у которого есть деньги на Картье? Угадал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.